

Адамова З.Г.

**ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕГУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ЦЕННОСТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ЦЕННОСТИ «ДОВЕРИЕ»)[©]**

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, zoya_adamova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения регулирующей роли ценности «доверие». На основе теории речевой деятельности автор обосновывает позицию, согласно которой речевая деятельность, будучи «культурной переменной», выполняет социальную регулятивную функцию. Следовательно, специфику культуры можно устанавливать на основе анализа компонентов речевой деятельности – действий и операций. Для этого обосновывается выделение сущностных социальных свойств речевого действия и принципы моделирования смысла ценностей как проявления аксиологического отношения к действительности.

Ключевые слова: культура доверия; ценность «доверие»; значение ценностей; аксиологическое отношение; речевая деятельность как социальная; социальная значимость.

Поступила: 29.02.2024

Принята к печати: 14.06.2024

Adamova Z.G.

**Principles of psycholinguistic research on regulating role of values
(using the example of value “trust”)[©]**

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, zoya_adamova@mail.ru*

Abstract. The paper focuses on the problem of determining the social significance of “trust” as a value. Based on the cultural and axiological approaches to trust and the theory of speech activity, the author substantiates the position that speech activity, being a “cultural variable”, performs a social regulatory function. Consequently, the specifics of culture can be established on the basis of an analysis of the components of speech activity – actions and operations. For this purpose, the identification of the essential social properties of speech action and the principles of modeling the meaning of values as a manifestation of axiological attitudes to reality are substantiated.

Keywords: culture of trust; “trust” value; value relevance; axiological attitude; speech activity as social; social significance.

Received: 29.02.2024

Accepted: 14.06.2024

Введение

Доверие является «ключевой категорией» для понимания социальной жизни людей [Штомпка, 2012, с. 21]. Культурологическая социология повседневной жизни рассматривает «культуру доверия» как основу благополучия общества и развития культуры [там же, 2012]. Значимость доверия и его влияние на развитие всей культуры объясняется рефлексивной природой «доверия». Являясь фундаментальной духовной категорией, связанной с чувством безопасности, верой и свободой, доверие оказывает влияние на все сферы жизни человека. Оно определяет характер формирования и функционирования всей системы ценностей, лежащей в основе проблемы отношений культуры и социальных институтов [Инглхарт, Вельцель, 2011; Штомпка, 2012]. Речь идет о таких формах организации совместной жизнедеятельности, как дружба, любовь, семья, а также о политической культуре, экономике и «рейтинге счастья» как показателе стабильного развития (World Happiness

Report). Именно поэтому проблематику доверия обычно связывают с «кризисом общего мировоззрения», который предполагает необходимость переосмыслиния системы ценностей, «поиск новых оснований» в связи с «появлением разных конкурирующих картин мира» и «отсутствием единства общественных представлений» [Биричева, 2023, с. 12]. С процессом глобализации связывают не только так называемую проблему «кризиса доверия», но и «кризис идентичности» [Бауман, 2005]. Это подтверждает непосредственную связь проблематики доверия с не только межличностными и межгрупповыми отношениями, но и с более значимыми процессами самоопределения, личностной и социальной идентичности [Купрейченко, 2008]. Согласно П. Штомпке, изучение доверия связано с проблемой политически и исторически обусловленного процесса формирования и функционирования «культуры доверия / недоверия», понимаемой как «система правил-норм и ценностей, касающихся доверия и надежности» [Штомпка, 2012, с. 244]. Сложность изучения культуры доверия как фундамента социальных отношений П. Штомпка видит в том, что доверие относится к «мягким» культурным переменным общественной жизни, которые трудно учитывать, так как они основаны на повседневных человеческих действиях и зависят как от культурных, так и от субъективных факторов.

Изучение способности доверять как социокультурной проблемы усложняется «плурализмом трактовок» понятия «доверие», который затрудняет сравнение эмпирических и теоретических данных [Биричева, 2023, с. 5]. На наш взгляд, речь идет не только о проблемах понимания сущности доверия и влияния адекватности или неадекватности такого понимания на развитие культуры, но и о проблеме поиска таких методик исследования ценностей, которые способны выявить их социальную, то есть регулирующую и интегрирующую, сущность, основанную на аксиологическом отношении.

Совершенно очевидно, что понятие «доверие», лежащее в основе культуры доверия, относится к тем формам социального знания, которые выполняют интегрирующую и регулирующую функции. Однако для того, чтобы социальные ценности выполняли свои функции, нужны условия, в которых «повседневные усилия» могли бы «выкристаллизоваться в модели коллективного действия», способные обеспечивать функционирование культуры, в том случае, если они характеризуются осмысленностью и целостностью

на уровне личности и общества [Бауман, 2005, с. 119]. Речь идет об аксиологических основаниях культуры, или о формировании «аксиологического отношения» как того, что соединяет деятельностное отношение всех людей к своей жизни с «целостным единством» культуры и превращает человека в «мирообразующий субъект». Согласно В.И. Плотникову, все ценности должно рассматривать по «отношению к будущему», так как «понятое таким образом аксиологическое отношение абсолютно и объективно для всех», оно связывает «объективное и субъективное» и «является точкой перехода и преобразования уникально-человеческого в универсально-культурное» [Плотников, 2002, с. 383]. Такой подход позволяет найти «точку опоры, которая всегда была и продолжает быть основанием для любых проективных модификаций», связанных с ценностями, и тем самым восстановить «проективную функцию ценностного мира» [Плотников, 2002, с. 395].

Таким образом, для понимания междисциплинарной проблемы доверия нужны методики, которые позволяют определить регулирующий и интегрирующий характер формирования и функционирования «коллективного значения» ценности «доверие», национально-культурную специфику «промысла» его смысла, влияющего на его социальные функции [Штомпка, 2012, с. 293]. Для этого нужны методики, позволяющие выявить деятельностное отношение человека к ценностям. Такую методику предоставляет психолингвистический подход к изучению ценностей. Цель данной статьи – на примере междисциплинарной проблемы доверия обосновать применение психолингвистического подхода к анализу ценностей с точки зрения их интегрирующей функции, основанной на аксиологическом отношении, определяющем развитие и трансформацию всей культуры, и определить для этого параметры речевого действия как социального.

Культура доверия и роль речевой деятельности в ее формировании и трансформации

Говоря о значении проблематики доверия в современном мире, П. Штомпка называет характерные черты глобализирующегося мира, которые ведут к «зависимостям от конкретных условий, ощущениям неопределенности и неуверенности» [Штомпка, 2012, с. 58]. Именно

доверие как «стратегия ориентации» в неопределенном мире позволяет справиться с неуверенностью и риском, так как в отличие от надежды и уверенности, доверие относится к «области активного дискурса», то есть субъективной способности «предвидеть» (уверенности) и предпринимать действия, чтобы сопротивляться неопределенному будущему» [Штомпка, 2012, с. 80]. В понятии доверия находят непосредственное выражение основные характеристики повседневного действия людей, или «две черты человеческой судьбы»: «соотнесенность с другими» и «ориентированность на будущее» [там же, с. 21]. Это социологическое положение соотносится с аксиологическим подходом к доверию как к «ценостно ориентированному духовному состоянию», которое призвано пробуждать в людях «сознание общего дела», без которого невозможно существование общества и культуры [Плотников, 2002, с. 397]. Существуют два исходных правила, на которых основывается культура доверия: во-первых, люди способны верить другим, когда они считают доверие ценностью, то есть «серезное отношение к оказанному доверию» становится правилом «так должно ляться»; во-вторых, для того чтобы быть способным действовать, или «справляться со своими обязанностями», должно верить, думая, что «люди честны» [Штомпка, 2012, с. 292]. Производство и воспроизводство культуры доверия / недоверия представляет собой бесконечный процесс взаимовлияния культурных (структурных) и личностных (субъективных) факторов. Речь идет о двойственной натуре социального знания как такового: социальная практика доверия возможна только в рамках структурных возможностей, предоставляемых «всеобщим», или объективным, знанием, которое в качестве «типизирующего средства» передается через «данные в естественном языке имена вещей и событий» [Шюц, 2004, с. 17]; структурные возможности, в свою очередь, формируются под влиянием «выкристаллизовавшихся в виде традиций» культуры доверия / недоверия и содержат в себе элементы «предыдущей» социальной практики доверия [Штомпка, 2012, с. 296].

Таким образом, культура доверия формируется только в контексте человеческих взаимодействий и рассматривается как культурная установка на действие, а «подлинной областью доверия» как фундамента общественных отношений, основанных на культуре доверия, является характер общения с другими, свя-

занного с постоянной необходимостью «формулировать свои ожидания, связанные с действиями других» [Штомпка, 2012, с. 73].

Для нас важно, во-первых, что социальные процессы, связанные с формированием культуры доверия, подразумевают рефлексивную деятельность человека по саморегуляции, которая по существу является речевой. «Общественные условия» и генерирующие культуру доверия или недоверия «причинные процессы» формируются в результате процесса «промысла смыслов» и проявляют себя как динамические «коллективные общие значения» ценностей [там же, с. 246]. Действительно, «мы можем черпать новые сведения об окружающей нас действительности, производя лишь теоретическую деятельность, опосредствованную языком», так как «всякое знание... в конечном счете может быть сведено к языковому знанию; в противном случае оно не является коллективным» [Леонтьев, 1969, с. 35]. С теоретической деятельностью человека связана философская идея *образа мира* и основанная на ней известная психологическая категория «образа мира» (А.Н. Леонтьев), или «образа социального мира» (Г.М. Андреева), а также соотносимое с ней социологическое понятие «жизненного мира» (А. Шюц). Так, «образ объективного мира» как непосредственное чувственное отражение действительности, «более адекватный или менее адекватный, более полный или менее полный... иногда даже ложный...» формируется в результате процесса восприятия, то есть «вычерпывания» образа из объективной реальности посредством «означивания» предметного мира, «перехода за пределы непосредственно чувственной картинки» [Леонтьев, 2003, с. 13]. В социальной психологии этот ментальный конструкт, представляющий собой ситуацию соотнесения потребностей индивида с его знаниями о предметном мире, принято называть «образом социального мира» [Андреева, 2013, с. 44]. Следовательно, ни в какой другой деятельности, кроме речевой, мы не можем наблюдать основанные на характере взаимодействия с миром процессы осознания и формирования мотивационного отношения человека к знаниям (в том числе о средствах), связанным с ценностями как регуляторами жизнедеятельности, которые способны направлять его на будущее, то есть целеполагание и действие. А множество таких «индивидов, устремленных в будущее», формируют «единство культуры».

Второй принципиально важный момент связан со структурой деятельности, в том числе речевой. Как и любой акт деятельности, речевая деятельность есть единство мотивационной, целевой и исполнительной сторон деятельности: «...он начинается мотивом и планом и завершается результатом, достижением намеченной вначале цели; в середине же лежит динамическая система конкретных действий и операций, направленных на это достижение» [Леонтьев, 1969, с. 26]. Познавательная деятельность должна содержать в себе, кроме «рефлексивного», и «действенное понимание» как способность «построить ситуацию и начать в ней действовать» [Щедровицкий, 2023, с. 159]. По мнению Г.П. Щедровицкого, проблема адекватности / неадекватности понимания мира действительности состоит в том, что культура и система образования в нашей стране сосредоточены именно на «просто понимании», то есть «рефлексивном понимании», которое оставляет ситуацию «бездейственной» [там же, с. 159]. В самом деле, если рассматривать культуру как «особого типа деятельность, реализующуюся в виде... программ человеческой жизнедеятельности (деятельности поведения и общения), обеспечивающих воспроизведение и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [Стёпин, 2013, с. 73], ее развитие без «действенного понимания» становится затруднительным. Следовательно, особое значение в изучении национально-культурной специфики «промысла смыслов» ценностей обретают речевые операции. Операции – способы осуществления действий, «как правило, вырабатываются, обобщаются и фиксируются общественно-исторически, так что каждый отдельный индивид обучается операциям, усваивает и применяет их» [Основы теории речевой ..., 1974, с. 15]. «Продукт действия» по своему происхождению «исторически – продукт общественной практики», операция зависит от условий достижения целей, тем самым «выступает как процесс непсихологический». Однако «системный и генетический» анализ речевых операций «открывает их (операции) как осуществляющие деятельность психологическую», так как операции принципиально целенаправленны и связаны, таким образом, с побудительной силой действия [Основы теории речевой ..., 1974, с. 12].

Наконец, самый важный момент связан с субъективным, психологическим фактором, обусловливающим направление действия.

Речь идет о «причинных процессах» в производстве и воспроизведении культуры доверия, то есть о мотивационной составляющей доверия как культурной установки. Структура динамической установки включает в себя такие «мотивационные образования», как потребности, цель, мотив, задачи и др. и выступает как ориентация на деятельность. Она состоит из «предметного содержания, поскольку направленность – это всегда направленность на что-то, на какой-то более или менее определенный предмет, и напряжение, которое при этом возникает» [Рубинштейн, 2020, с. 854]. Согласно теории Д.Н. Узладзе, установка является «конечным продуктом» процесса мотивации и функционирует как готовность к активности в определенном направлении [Имедадзе, 1989, с. 90]. Другими словами, культурный, или структурный, фактор в формировании культуры доверия, который проявляется как результат исторически и культурно обусловленного процесса «означивания» ценности «доверие», является лишь условием формирования установки. В социологии «естественная установка» (А. Шюц) рассматривается как «форма понимания» социального знания и является основной категорией анализа социального действия как единицы анализа «жизненного мира». Так же, как и личностный смысл в психологии, она формируется в процессе соотнесения всего предыдущего опыта индивида с его актуальной картиной мира и определяет как способ отношения к объектам мира, их влиянию, так и соответствующие им способы действия [Шюц, 2007].

Изучение механизма формирования личностного смысла как «конечного продукта» мотивации представляет трудности, так как системы мотивов (потребностей) как психологической реальности не существует, если ее нельзя представить себе и удовлетворить. В связи с этим они могут проявляться с разной степенью очевидности – «от неясного побуждения до рационального проекта» [Шюц, 2004, с. 59]. С точки зрения регуляции жизнедеятельности мотивы должны осознаваться. В противном случае личностное развитие человека происходит без личностного усвоения, что ведет к обесцениванию ценностей как социальных регуляторов культуры. Однако, согласно деятельностной психологии, если даже мотивы не осознаются, это не означает, что они отделены от сознания. Если осознаваемые мотивы («смыслообразующие» – А.Н. Леонтьев) находят свое выражение в целенаправленной деятельности,

регулируемой осознаваемыми способами и средствами, то неосознаваемые мотивы («мотивы-стимулы» – А.Н. Леонтьев) отражаются в деятельности «в форме эмоциональной окраски действия» [Леонтьев, 1975, с. 201]. При этом эмоции, которые обусловливают «динамическую сторону» деятельности, представляют собой «единство аффективного и интеллектуального переживания и знания и включают в себя «волевые» моменты влечения, стремления, поскольку вообще в ней в той или иной мере выражается весь человек» [Рубинштейн, 2020, с. 651]. Из всего сказанного следует, что специальный анализ мотивационной (психологической) стороны речевой деятельности, различающий речевые действия, связанные с собственно потребностями, лежащими в основе целенаправленной деятельности, и эмоциональные речевые действия, связанные с отношением к условиям осуществления потребности, может выявить психологические факторы, определяющие культуру доверия: ожидания, связанные с доверием, а также переживания, касающиеся процесса осуществления этих ожиданий.

Таким образом, культура доверия строится на основе «коллективного значения» доверия. В процессе речевой (теоретической) деятельности осмыслиения значения «доверия», основанной на опыте отношения с другими, формируется установка, или личностный смысл, «доверия». Следовательно, культура доверия проявляется в речевой деятельности, которая регулирует характер формирования и функционирования как культурного, так и личностного факторов в ее становлении и трансформации. В речевой деятельности могут найти непосредственное выражение «импульсы доверия» как «столпы доверия», связанные с его онтологической природой [Штомпка, 2012, с. 237]; «среда доверия» (П. Штомпка) как обусловленное «предыдущей» культурой доверия условие формирования «будущей» культуры доверия и отношение к ней; средства, или способы осуществления доверия, которые обусловливают «действенность» доверия как социального регулятора поведения; мотивационные образования (потребности, цели), предопределяющие характер функционирования доверия как культурной установки.

Разработка методики исследования и параметры интерпретации отношения «стимул – реакция» как социального действия

Материалом исследования «культуры доверия» становится массив ассоциативных реакций. Ассоциативный эксперимент является одним из способов исследования национально-культурной специфики «образа мира». Считается, что «в ассоциативном эксперименте обнаруживается деятельностное отношение человека к миру, представленное специфической связью стимула и реакции в условиях конкретной деятельности, в том числе речевой» [Ассоциативный эксперимент ..., 2019, с. 5]. Речь идет об ожиданиях, связанных с деятельностью, которые задают «актуальные для индивида стратегии верbalной деятельности и опосредованно – специфику концептуализации мира» [там же]. Анализ «дистрибуции реакций» [там же] дает возможность выявить структуру «промысла смыслов» (П. Штомпка), то есть то, как организовано социальное знание, отношения между «разрозненными» сферами знания (В.С. Стёпин). Так как «смысловой мир личности появляется за счет эффективного действования с инструментами / средствами иных, уже созданных / интериоризированных личностью миров, например, языка» [там же, с. 12].

Главной задачей исследователя при интерпретации «дистрибуции реакций», полученных в результате ассоциативного эксперимента, является определение ее параметров. Они должны соответствовать цели и задачам исследования, а также его теоретико-методологическим основаниям.

На основе теоретических методов научного анализа мы изучили сущностные свойства активного действия (психологические, социологические, аксиологические), которые могут быть проявлены в речевом действии. Затем определили следующие параметры анализа речевого действия, на основе которых моделируется актуальный личностный смысл «доверия» как социальной установки. В ней могут быть презентированы формы «решающего знания» о доверии как о социальном знании, подразумевающем не только уверенность, но и основанные на ней действия: целенаправленность, или представления о потребностях, связанных с доверием (целевой аспект деятельности); мотивированность и как побудительная сила,

выражаемая в эмоциональной окраске действия, и как причинность, которая может быть представлена в предметном содержании речевых действий смыслообразующего характера (мотивационный аспект); а также позволяющий «овладеть» и контролировать социальной ситуацией ориентирующий смысл потребностей, выражаемых в речевых действиях и операциях, связанных со способами оказания доверия или ответа на оказываемое доверие (исполнительный аспект). Они соответствуют обозначенной нами проблеме понимания регулирующей роли ценностей и той функции, которую выполняет в формировании этой роли речевая деятельность. Вместе с тем они отвечают принципам культурологического и аксиологического подходов к доверию и соответствующим его положениям теоретико-методологическим основаниям этнопсихолингвистики как интегративной науки, направленной на определение национально-культурной вариантиности речевой деятельности как регулирующей отношения с действительностью деятельностью.

Анализ по выделенным параметрам предлагается проводить на основе ассоциативного поля, построенного посредством типологизации ассоциативных данных по разработанной В.А. Пицальниковой интегративной модели актуального личностного смысла с заданным количеством актуальных параметров [Пицальникова, 1992]. В структуре интегративной модели личностного смысла выделяются: тело знака, понятие, представление, предметное содержание, эмоции и оценки, а также специфическая группа признаков, условно названная «другие ассоциации». При этом под представлениями понимаются субъективные чувственные образы действительности, зависящие от индивидуальных особенностей: опыта, возраста, научной подготовки и т.д.; понятие представляет совокупность наиболее существенных признаков предмета, явления; предметное содержание отражает вовлеченность предмета, явления в какой-либо вид деятельности; эмоция и оценка выражают определенные чувства индивида и положение предмета, явления на субъективной шкале «хорошо – плохо»; другие ассоциации – это единичные ассоциации, которые однозначно не интерпретируются с помощью известных культурных и лексикографических знаний [Пицальникова, 1992]. Как правило, интерпретация ассоциативных данных в этнопсихолингвистических исследованиях национально-культурной специфики «образа мира» проводится на

основе базы лексикографических источников, представляющих инвариантное значение лексических единиц [Ассоциативный эксперимент: теоретические ..., 2019]. В соответствии с задачей исследования для определения совокупности существенных признаков доверия как социокультурного явления мы предлагаем использовать знания о «доверии» в социологии, общей и социальной психологии, а также в философии и духовной литературе. Интерпретация эмоциональных речевых действий делается на основе деятельностной теории эмоций В.Г. Асеева [Асеев, 1976]. Основанная на психологии потребности С.А. Рубинштейна теория эмоций учитывает структуру мотивации, состоящей из двух форм побуждений: «влечения» с положительной эмоциональной модальностью переживания (действие, которое производит индивид) и «побуждения типа объективно заданной необходимости, нужды» (воздействие, которому подвергается индивид) с отрицательной эмоциональной модальностью переживания. Различие двух тенденций в структуре мотивации – влечения и долженствования – основывается на положении об общественно значимом и личностроенно значимом: для личности общественное значимое, выходя за пределы личностных интересов и иногда вступая с ними в конфликт, становится личностроенно значимым и порождает в человеке тенденции долженствования. По своему динамическому эффекту они соотносятся с тенденциями влечений, но существенно отличаются от них по своему содержанию и источнику [Рубинштейн, 2020]. На наш взгляд, интерпретация выражаемых языком эмоций и оценок на основе двумодальной структуры мотивации, которая учитывает активность субъекта, позволяет судить о характере реализации установки в речевой деятельности.

На основе выделенных параметров речевого действия как социального, или регулирующего, нам важно определить мотивационную и функциональную значимости ценности «доверие», которые обусловливают формирование и функционирование культуры доверия. Под мотивационной значимостью «доверия» мы понимаем «аксиологическое отношение» (В.И. Плотников). Выделенные нами параметры позволяют при этом определить как побудительный, так и направляющий характер моделируемого смысла. А функциональная значимость «доверия» связана с содержательным потенциалом смысла для осуществления волевой личности как ак-

тивно справляющегося со своей «обязанностью» доверять, так как, по словам П. Штомпки, сущность доверия как основы общества состоит в активных действиях, основанных на осознанном принятии социального доверия как ценности.

Выводы

Сложность ценностной проблематики заключается в междисциплинарном характере предмета исследования – процесса взаимодействия человека с миром. Формирование и функционирование «промысла смысла» ценностных оснований культуры, например, доверия, и аксиологического отношения, мы можем наблюдать только в речевой деятельности. Мы показали, что теоретико-методологические основания этнопсихолингвистики как интегративной науки предоставляют возможности для специального изучения речевой деятельности как социальной, то есть интегрирующей и регулирующей деятельности. Психолингвистический подход к изучению ценностей предоставляет возможность выявить «коммуникативные связи» между различными сферами гуманитарного знания, которые лежат в основе социальной деятельности, в результате которой формируется личностный смысл как социальная установка. Такой подход соответствует принципам культурологического и аксиологического подходов, поэтому позволяет установить как культурные, так и личностные факторы, формирующие ценностные основания культуры, а также точку соединения этих факторов, определяющую мотивационную и функциональную значимость социальной ценности. Психолингвистическое моделирование личностного смысла ценностных оснований культуры возможно на основе определения параметров речевого действия как социального. Анализ речевых действий по выделенным параметрам позволяет выявить мотивационную и функциональную значимость, основанные на аксиологическом отношении. Для подтверждения гипотезы на следующем этапе мы проведем экспериментальное исследование структуры и содержания личностного смысла «доверия» как социальной установки.

Список литературы

- Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 1(9). – С. 39–49.
- Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – Москва : Мысль, 1976. – 158 с.
- Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики : монография / под ред. В.А. Пицальниковой. – Москва : Р. Валент, 2019. – 200 с.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.
- Биричева Е.В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39, вып. 1. – С. 4–17.
- Имададзе И.В. Ситуативное развитие мотивации и установка // Вопросы психологии. – 1989. – № 2. – С. 90–97.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – Москва : Новое издаательство, 2011. – 464 с.
- Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. – Москва : Институт психологии РАН, 2008. – 564 с.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с.
- Леонтьев А.Н. Образ мира // Мир психологии. – 2003. – № 4. – С. 11–18.
- Основы теории речевой деятельности : коллективная монография. – Москва : Наука, 1974. – 333 с.
- Пицальникова В.А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1992. – 134 с.
- Плотников В.И. Ценностный мир человека и его судьба // Двадцать лекций по философии. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. – С. 324–394.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – Москва : ACT, 2020. – 960 с.
- Стёпин В.С. Человеческое познание и культура. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2013. – 140 с.
- Штомпка П. Доверие – основа общества. – Москва : Логос, 2012. – 440 с.
- Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
- Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Вып. 2(36). – С. 52–68.
- Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: методология, технология (курс лекций). – Москва : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2023. – 464 с.

Reference

- Andreeva, G.M. (2013). Sotsialnoe poznanie i sotsialnye problemy [Social cognition and social problems]. *National Psycholgical Journal*, 1(9), 39–49.
- Aseev, V.G. (1976). *Motivatsiya povedeniya i formirovanie lichnosti* [Motivation of behavior and personality development]. Moscow: Mysl.
- Pishchalnikova, V.A. (ed.) (2019). *Assotsiativnyj eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psiholingvistiki* [Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics]. Moscow: R. Valent.
- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshhestvo* [The individualized society]. Moscow: Logos.
- Biricheva, E.V. (2023). Jekzistsialnyj smysl doverija [The existential Meaning of Trust]. *Vestnik of Saint-Petersburg State University. Philosophy and Conflictology*, 39(1), 4–17.
- Imedadze, I.V. (1989). Situativnoe razvitiye motivatsii i ustanovka [Situational development of motivation and attitude]. *Voprosy Psichologii*, 2, 90–97.
- Inglehart, R., Welzel, Ch. (2011). *Modernizatsija, kulturnye izmenenija i demokratija: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy The Human Development Sequence]. Moscow: Novoye Izdatelstvo.
- Kupreychenko, A.B. (2008). *Psihologija doverija i nedoverija* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow: Publishing of Institute of Psychology RAN.
- Leontiev, A.A. (1969). *Yazyk. Rech'. Rechevaya deyatel'nost'* [Language. Speech. Speech activity]. Moscow: Prosveshchenie.
- Leontiev, A.N. (1975). *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow. Politizdat.
- Leontiev, A.N. (2003). Obraz mira [Image of the world]. *World of Psychology*, 4, 11–18.
- Leontiev, A.A. (ed.) (1974). *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* [Basics of the Theory of Speech Activity]. Moscow. Nauka.
- Pishchalnikova, V.A. (1992). *Problema smysla hudozhestvennogo teksta: psiholinguisticheskij aspect* [The problem of the meaning of a literary text: psycholinguistic aspect]. Novosibirsk: Publishing of Novosibirsk University.
- Plotnikov, V.I. (2002). Tsennostnyj mir cheloveka i ego sud'ba [The value world of man and his fate]. In *Dvadcat' lektsej po filosofii* (pp. 324–394.). Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii.
- Rubinshtein, S.L. (2020). *Osnovy obshchej psihologii* [Basics of General Psychology]. Moscow. AST.
- Stepin, V.S. (2013). *Chelovecheskoe poznanie i kultura* [Human cognition and culture]. Saint-Petersburg: SPbGUP.
- Sztompka, P. (2021). *Doverie osnova obshhestva* [Trust: a sociological theory]. Moscow: Logos.
- Schutz, A. (2004). *Izbrannoe: mir, svetyashchij sya smysлом* [Collected papers: world glowing with meaning]. Moscow. Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

- Schutz, A. (2007). Nekotorye struktury zhiznennogo mira [Some structures of the Life-world]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*, 2(36), 52–68.
- Shchedrovickij, G.P. (2023). *Orgupravlencheskoe myshlenie: metodologiya, tekhnologiya (kurs lektsij)* [Organizational thinking: methodology, technology (lectures)]. Moscow. Izdatelstvo Studii Artemiya Lebedeva.
-

Сведения об авторе

Адамова Зоя Гаврильевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики, Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва, zoya_adamova@mail.ru

About the author

Adamova Zoia Gavrilievna – PhD in Philology, Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow, zoya_adamova@mail.ru